

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссес Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

- ¹² Киктев А. К вопросу о происхождении крестьянской войны в Германии // Ученые записки Научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. – Вып. 3. – Харьков, 1929. – С. 87-104.
- ¹³ Киктів О. Програма селянської війни в Німеччині. – Харків, 1931.
- ¹⁴ Історія Київського університету. – С. 538; 382; Митряев А.И., Голубкин Ю.А., Лиман С.И. Медиєвистика в Харьковском университете. – С. 75.
- ¹⁵ Беркут Л. Етюди з джерелознавства середньої історії. Період утворення і консолідації національних держав на романо-германському Заході. – К., 1928; Левченко М. Леонід Миколайович Беркут // Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук. – Кн. XVI (1928). – К., 1928. – С. 280-283.
- ¹⁶ Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. – М.-Л., 1940. – С. 357.
- ¹⁷ Завьялова И.В., Першина З.В. Николай Николаевич Розенталь Видные ученые Одессы. По воспоминаниям учеников и сотрудников. – Вып. 2. – Одесса, 1992. – С. 82-85; Аппатов С.О., Демин О.Б., Першина З.В. Указ. соч. – С. 486-487; Дьомін О.Б. Вивчення та викладання всесвітньої історії в Одесі в ХІХ–ХХ ст. // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. – Вып. 15. – Сер. іст. науки. – № 1. – Чернігів, 2002. – С. 8-9. Немченко І.В. Розенталь Микола Миколайович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. – Вид. 2-е. – Т. 4. – Одеса, 2005. – С. 32-33; Петровський Е.П. Розенталь Микола Миколайович // Одеські історики. – Т. 1. – Одеса, 2009. – С. 326-328.
- ¹⁸ Беркович М.Е. Общественный строй Нейстрии во второй половине VI века (К истории возникновения частной собственности на землю и крупного землевладения на заре средневековья во Франции). – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Одесса, 1939.
- ¹⁹ Масан О., Балух В. Медиєвистика в Чернівецькому університеті // Середньовічна Європа: погляд з кінця ХХ ст. – Чернівці, 2000. – С. 144-145.

Е.В. Захаров (Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБРАЩЕНИЯ ЭЛЕКТРОВЫХ МОНЕТ КИЗИКА

Электровые монеты Кизика бесспорно являются одними из наиболее популярных греческих монет. Причём популярность эта закрепилась за ними ещё в древности, когда кизирины, как называли данные монеты сами греки, обращались в течение почти двух столетий на территории большей части античной ойкумены. Заключительный этап их обращения связан с коренными изменениями, которые происходили в греческом мире в IV в. до н.э., и которые в советской исторической науке принято называть «кризисом полиса».

Большинство исследователей связывают исчезновение электровых монет Кизика из денежного обращения с их неконкурентоспособностью с золотыми монетами македонских царей: Филиппа II и Александра Великого¹. Это обстоятельство лишь отчасти отражает суть проблемы, которая включает

в себя целый комплекс причин. С.А. Булатович отмечает, что, действительно, одной из причин рассматриваемого процесса была конкуренция кизикинов с золотыми монетами других центров. С конца V в. до н.э. в международное денежное обращение попадают золотые дарики, в дальнейшем в IV в. до н.э. некоторые греческие города (например, такие как Лампсак и Пантикапей) начинают чеканить золотую монету. Уже эти выпуски начали составлять конкуренцию электровым монетам Кизика, а золото македонских царей лишь дополнило сложившуюся систему². После третьей четверти IV в. до н.э. кизикины постепенно исчезают из денежного обращения античного мира.

Однако в реальности картина выглядела гораздо сложнее. Известные нам сегодня письменные источники не содержат сведений о каких-то кризисных явлениях в экономике греческого мира той поры и падении авторитета той или иной популярной доселе монеты (в данном случае я имею в виду электровые монеты Кизика). Напротив, яркие речи афинских ораторов конца V–IV в. до н.э. Лисия и Демосфена представляют монеты этого центра, как одни из наиболее распространённых и пользующихся доверием среди потребителей, как это было и в предыдущем столетии. В виде надёжного средства накопления мы встречаем кизикины в речи Лисия (XII, 11), произнесённой в 403 г. до н.э., в которой рассказывается о попытке самого автора откупиться от некоего Писона, пытавшегося его арестовать. В описании содержимого сундука Лисия (по-видимому, его домашней казны) находим «три таланта серебра, четыреста кизикинов, сто дариков и четыре серебряные чаши». Это свидетельство прекрасно иллюстрирует богатства, существовавшие тогда у граждан Афин. Заметим, между прочим, что помимо сосудов из драгоценных металлов средством накопления сокровищ выступают и монеты из золота (персидские дарики) и электра (кизикины). Особое внимание следует обратить на количество последних, поскольку оно довольно велико и позволяет себе примерно представить объёмы денежных накоплений того времени.

Проходит почти восемьдесят лет после описанного происшествия, и положение электровых монет Кизика в денежном обращении античного мира практически не меняется. Другой выдающийся оратор – Демосфен в известной речи против Формиона о займе, которая датируется 327/326 г. до н.э., сообщает, что Формион отдал Лампиду (капитану корабля, доставившего его в Понт) «в Боспоре 120 кизикских статеров... а кизикский [статер] ходил там по 28 аттических драхм» (XXXIV, 23). Как видим, и теперь письменные источники свидетельствуют об обращении рассматриваемых монет на далёком Боспоре и что самое главное – их стабильности и, по всей видимости, даже ликвидности в Афинах. Всё это происходит буквально на закате активного участия кизикинов в денежном обращении греческих государств. По сути, приведённое сообщение Демосфена является последним упоминанием данных монет в истории, что позволяет его рассматривать в качестве *terminus post quem* для их обращения в Эгеиде и Причерноморье.

В связи с приведёнными данными встаёт вопрос о характере финального этапа обращения кизикинов. Вряд ли неспособность составить конкуренцию активным эмиссиям золотых монет различных центров было главной причиной. На мой взгляд, данный процесс является лишь поводом к этому. Притом, что само появление и активное обращение золотых монет (с которыми, между прочим, кизикины вместе и обращались, о чем свидетельствуют их совместные находки в составах кладов) было следствием глобальных изменений античной экономики.

Но посмотрим на проблему под традиционным углом зрения. Основными источниками по истории заключительного этапа обращения кизикинов в IV в. до н.э. являются клады, которые составляют большую часть (14) всех известных на сегодняшний день комплексов этих монет (около 19). К указанному этапу могут быть отнесены кладовые находки, включающие кизикины последней IV группы по классификации Г. фон Фритце³. В соответствии с этим данная группа кладов, а, следовательно, и весь рассматриваемый период, датируется концом V – третьей четвертью IV в. до н.э.

Клады этого времени были обнаружены на значительной территории и в целом отражают ареал обращения кизикинов в течение всего времени популярности этих монет – это бассейн Эгейского моря и Причерноморье. Примечательно, что в отличие от кладов V в. до н.э. эти комплексы в большом количестве содержат золотые монеты других центров («дарики», монеты Лампсака, Пантикапея и золото македонских царей), что свидетельствует о совместном их участии в денежном обращении и совместной тезаврации, как уже отмечалось выше. При этом преобладают находки кладов, происходящих из бассейна Чёрного моря.

Хронологически кладовые комплексы этого времени делятся на две группы: раннюю, которая датируется концом V – первой четвертью IV в. до н.э., и позднюю, датирующуюся третьей четвертью IV в. до н.э. Известные комплексы можно представить в виде таблицы следующим образом⁴.

Место находки, номер по IGCH	Дата	Хронологическая группа
Элида (43)	Кон. V – нач. IV в. до н.э.	Ранняя
Клазомены (1194)	Кон. V – нач. IV в. до н.э.	
Живково (714)	Кон. V – нач. IV в. до н.э.	
Мирмекий, 2003 г.	Ок. 400 — 375 гг. до н.э. ⁵	

Пирей (47)	322/321 г. до н.э. ⁶	Поздняя
Принкипо (1239)	50-е или 40-е гг. IV в. до н.э. ⁷	
Орловка (726)	40-е — 30-е гг. IV в. до н.э. ⁸	
Окрестности Керчи, район Мирмекия (1011)	Начало—третья четверть IV в. до н.э. ⁹	
Тамань (Пуленцовский клад) (1013)	30-е гг. IV в. до н.э. ¹⁰	
Волна, 1997 г.	Третья четверть IV в. до н.э. ¹¹	
Кобулет (1045)	До 325 г. до н.э. ¹²	

Как видим, перечисленные клады монет происходят из различных частей греческого мира притом, что большинство кладов поздней группы были обнаружены в Причерноморье. Большая их часть включает в свой состав золотые монеты перечисленных выше центров, но лишь в кладах ранней группы встречаются золотые монеты персидских царей.

Рассмотренные клады рисует картину активной тезаврации электроновых монет Кизика с конца V до третьей четверти IV в. до н.э. в два этапа. Причём наиболее активно этот процесс идёт в течение позднего этапа на территории Причерноморья. Этот факт объясняется тем, что кизикины в этом регионе, в отличие от бассейна Эгейского моря, на всём протяжении своего обращения были единственной иностранной монетой высокой металлической стоимости, участвовавшей в крупных торговых операциях¹³. В обращении полисов Эгеиды они были лишь одной из многих монет, которые обеспечивали эту сферу товарно-денежных отношений.

Тезаврация кладов представляет собой отток части монет из состава денежного обращения. Он мог быть связан с несколькими причинами. Одна из них, действие закона Грешема-Коперника, вряд ли связана с рассматриваемой ситуацией. Действие данного закона представляет собой вытеснение из денежного обращения лучшей монеты худшей. Но участвовавшие в обращении в IV в. до н.э. золотые и электроновые монеты были в принципе равноценны. У нас нет оснований говорить о приоритете электроновых монет над золотыми. Ведь обращались и тезаврировались, как мы видели, они вместе. Значит, причиной для образования этих кладов монет

были другие явления. Конечно же, клады могли возникать в результате внешнеполитических событий (прежде всего военных действий или их угроз, которыми был так богат IV в. до н.э.). Но системность в формировании рассматриваемых сокровищ заставляет искать и более глобальные причины.

Значительная по составу монет часть кладов была сокрыта в различных сосудах (достоверно известно, что в них были помещены клады из Мирмекия, Пирея, Орловки, окрестностей Керчи близ Мирмекия и Пуленцовский клад). Как отмечают исследователи, эти сосуды использовались в течение долгого времени и, судя по всему, к моменту помещения в них монет сами представляли собой определённую ценность¹⁴. Этот факт заставляет видеть в этих кладах именно некие сокровища, которые формировались их владельцами для сохранения накопившейся суммы денег. Клад из Мирмекия 2003 г., например, рассматривается его первыми издателями как казна святилища Деметры¹⁵.

Другой пример представляет клад кизикинов из Орловки. В его составе содержатся три монеты, потерявшие свой первоначальный облик: они расплющены. При этом две из них, относящиеся к IV группе, не только расплющены, но и разрублены. Одна расплющенная монета относится к III группе¹⁶. Бесспорно, что рассматриваемые кизикины на момент образования клада не выполняли свою первоначальную функцию – роль монеты, поскольку монета предполагает наличие изображения, подтверждающего пробу и вес металла. В данном же случае мы сталкиваемся с полным игнорированием этих понятий, так как монеты потеряли своё изображение. По всей видимости, такое обстоятельство является свидетельством того, что на каком-то этапе и в каком-то регионе (вряд ли мы можем говорить о всеобщей практике, так как описанные экземпляры в своём роде уникальны) кизикины перестали играть роль монеты и начали приниматься как обычные слитки драгоценного металла на вес. Это обстоятельство характеризует данные находки как простой весовой металл, сокровище, имеющие ценность главным образом для лица, спрятавшего клад.

Иными словами, в некоторых случаях эти клады представляют собой комплексы длительного накопления, и причины их тезаврации в большинстве случаев носили случайный характер. Однако, вспоминая четыреста кизикинов, находившихся в сундуке Лисия, или сто двадцать статеров этого города, переданных Формионом, необходимо с осторожностью относиться к подобным оценкам. Известные нам комплексы могли возникнуть и из суммы, полученной кладообразователем в результате одной торговой операции. В любом случае, данные клады отражают довольно пёстрый состав денежного обращения на всём протяжении заключительного этапа обращения электровых монет Кизика. Оно включает в себя как старые, ещё не вышедшие из обращения, монеты этого центра (II группы по классификации Г. фон Фритце), так и только недавно отчеканенные (IV группы), что вполне

нормально для монет с высокой металлической стоимостью, которые могли обращаться в течение долгого времени.

И ещё одна деталь. Характер этих кладов свидетельствует о превращении электровых монет Кизика из средства денежного обращения в средство накопления сокровищ. А это уже является индикатором не кризисного этапа в истории чеканки и обращения конкретной группы греческих монет (в данном случае кизикинов), а отражением общей экономической ситуации в Греции этого времени, изменений в сознании людей, которые тогда происходили. Если раньше, в VI и V вв. до н.э. монеты играли роль преимущественно средств денежного обращения, так как основным богатством в большинстве случаев (или по крайней мере средством для его достижения) была земля (а стремление к богатству как самоцели порицалось, о чем свидетельствуют сохранившиеся тексты Гесиода, Солона и Феогнида), то теперь в связи с интенсификацией товарно-денежных отношений ситуация меняется, и они становятся средством накопления богатств. Экономический взрыв IV в. до н.э. привёл не только к интенсификации денежного обращения и увеличению денежных масс, но и к появлению различных новых форм кредитования и развитию банковского дела в Греции (об этом довольно красноречиво свидетельствуют судебные речи Лисия, Демосфена и Исократ¹⁷). Таким образом, клады электровых монет отражают процесс формирования и сохранения сокровищ лицами, получившими определённую прибыль и желающими её сохранить. В свете активной экономической деятельности, происходившей в Причерноморье в это время (вспомним масштабные торговые связи с метрополией, в особенности хлебную торговлю между Боспором и Афинами) подобная схема выглядит вполне логичной. Использование кизикинов в целях сбережения сокровищ определяется в первую очередь общеизвестной и долговременной популярностью этих монет в сравнении с новыми их конкурентами в виде золотых монет персидских царей, Лампсака, Пантикапея и в дальнейшем золота македонских царей.

Итогом этого явления, как известно, становится дискредитация прежних полисных идеалов и неизбежная деформация социальной структуры гражданского коллектива. В данной ситуации история электровых монет Кизика оказывается тесно связанной с историей всего греческого мира и является индикатором тех изменений, которые начинают в нём происходить в позднеклассический период. С ней же связана и дальнейшая история кизикинов. По всей видимости, после походов Александра Великого произошли изменения в геополитической системе античного мира, которые превратили бассейн Эгейского и Черного морей не в главную торговую артерию ойкумены, а лишь в одну из её торговых магистралей. Это поставило положение монетного двора Кизика на второй план по отношению к торговым путям. Помимо этого, его электровые монеты были слишком архаичны и не могли конкурировать с монетами эллинистических монархов,

которые обслуживали уже совершенно иную систему товарно-денежных отношений.

¹ Исчерпывающий обзор истории изучения электровых монет Кизика был сделан С.А. Булатович. См. История изучения кизикинов (обзор научной литературы XIX–XX вв.) // Булатович С.А. Электровые монеты Кизика и их роль в денежном обращении Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Одесса, 1971. – С. 3-19. Она же. К истории изучения электровых монет Малой Азии в зарубежной и отечественной историографии // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Одеса, 2000. – С. 105-118. Новейшие исследования отражены в совместной работе Н.А. Фроловой и М.Г. Абрамзона: Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус кладов боспорских монет. – Т. I. – Симферополь–Керчь, 2007–2008.

² Булатович С.А. Обращение электровых монет Малой Азии в Эгейском бассейне и в Причерноморье в V–IV вв. до н.э. // МАСП. – 1976. – Вып. 8. – С. 98.

³ Fritze H. von. Die Elektronprägung von Kyzikos // Nomisma. – 1912. – Bd. VII. – S. 1-38.

⁴ В таблицу не включены клады сомнительного происхождения или неясного состава из Западной Малой Азии (IGCH 1223), Кузгуна (IGCH 734) и Тамани, 1866-1867 гг. (IGCH 1012).

⁵ Первые три клада ранней группы (IGCH 43, 1194 и 714) датируются, по моему мнению, концом V – началом IV в. до н.э. Во всех случаях самой поздней монетой является лишь один кизикин IV группы. Подобный же состав имеет и Мирмекийский клад 2003 г. Археологический контекст его находки служит надёжным основанием для определения его даты. Этим же временем могут датироваться и первые три клада, поскольку дата, предложенная составителями IGCH, в данном случае не имеет надёжных оснований.

⁶ Touratsoglou I. Statères d'Alexandre et statères de Cyzique le trésor du Pirée, 1882 (IGCH 47) // Travaux de Numismatique Grecque offerts a Georges le Rider. – L., 1999. – P. 357.

⁷ Булатович С.А. Обращение электровых монет Малой Азии... – С. 99. Табл. 1, 7.

⁸ IGCH 726.

⁹ Из этого клада сохранились лишь четыре кизикина IV группы, обнаруженные вместе с «золотыми и электровыми монетами босфорских царей», что заставляет относить время его образования к третьей четверти IV в. до н.э. Однако отсутствие точных данных требует с осторожностью относиться к его датировке. Поэтому я оставляю дату, принятую в литературе. См. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Указ. соч. – С. 94–95.

¹⁰ Булатович С.А. Обращение электровых монет Малой Азии... – С. 99. Табл. 1, 13.

¹¹ Фролова Н.А. Кизикины из собрания Государственного Исторического музея // ВДИ. – 2004. - № 4. – С. 48.

¹² IGCH 1045.

¹³ Этот факт был отмечен С.А. Булатович. См. Булатович С.А. Указ. соч. – С. 106.

¹⁴ Кравченко А.А. Клад кизикских статеров из Одесской области // СА. – 1969. - № 1. – С. 274; Булатович С.А. Клад кизикинов из Орловки // ВДИ. – 1970. - № 2. – С. 73; Butyagin A.M., Treister M.Y. A Bronze Olpe from the Murekion Hoard // Ancient Civilizations. – 2006. – 12. 1-2. – Leiden. – P. 138, 143, 144.

¹⁵ Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Мирмекийский клад кизикинов (предварительная информация) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (14.II.1908–15.X.1990). Сборник докладов. – СПб., 2004. – С. 39.

¹⁶ Булатович С.А. Клад кизикинов из Орловки // ВДИ. – 1970. – № 2. – С. 77, № 27; 80, № 45; 82, № 63.

¹⁷ Подробнее об этом см. Кулишер И.М. Очерк экономической истории Древней Греции. – Л., 1925. – С. 212-237.

С.В. Иванова (Одесса, Украина)

**МЕГАЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕДНОГО ВЕКА
В ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ**

В 2010 г. экспедиция отдела археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины проводила исследование кургана вблизи с. Сычавка Коминтерновского района Одесской области, в 0,65 км к западу от его западной окраины. Поле, где находился курган, непосредственно примыкает к перекрестку дорог Одесса-Николаев и Одесса-Южный.

Курган был насыпан на небольшой возвышенности, на что указывает профиль материка (повышение его к центру кургана); сохранившаяся высота кургана 0,35 м, современный диаметр около 27–28 м (Рис. 1). Насыпь кургана распахана, повреждена существовавшим ранее на поле виноградником и его корчевкой, во всех разрезах отчетливо читаются следы плантажа. Строительство кургана было начато в энеолитическую эпоху и связывается с погребением № 22, которое было опущено в вершину холма. К северу от погребения № 22 выявлена каменная оградка подпрямоугольных очертаний из вертикально вкопанных необработанных камней, длина ее 1,6 м, ширина по внешнему краю около 0,6–0,7 м. Толщина камней 10–16 см, высота их 0,6–0,8 м, основания камней на глубине около 1 м от репера. Скорее всего, камни частично смещены, об этом свидетельствует их наклонное положение и асимметричность самой оградки. В ее заполнении было выявлено несколько мелких камней известняка (забутовка?). Камни оградки не имели следов подтески. Подобного рода оградки в Северо-Западном Причерноморье фиксируются в курганах культурной группы Чернавода I-Хаджидер (Петренко 1998).

По всей вероятности, над комплексом была сооружена насыпь, диаметр которой можно установить только по размерам кромлеха (около 8 м по линии северо-восток – юго-запад, и около 10 м по линии юго-восток – северо-запад), т.к. в разрезах она не видна. Вторая насыпь не связана с каким-либо погребением и является конструктивной, края ее зафиксированы лишь в восточном профиле центральной бровки. Ее размер